

Балыш Овезов: штрихи к портрету

Category: Kitapcy, Taryhy makalalar
написано kitapcy | 24 января, 2025

Балыш Овезов: штрихи к портрету БАЛЫШ ОВЕЗОВ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

«Какой он Балыш Овезов?» – так называлась небольшая корреспонденция, опубликованная 8 января с. г. Ее автор, ветеран труда С.Силкин поделился воспоминаниями о встречах с одним из политических деятелей республики, имя которого в последние годы было незаслуженно забыто.

Публикация не осталась без отклика. Вот, к примеру, что пишет жительница Ашхабада Вера Федоровна Козлова:

«Я тоже очень благодарна односельчанам Балыша Овезовича за увековечение его памяти.

Мне не пришлось лично встретить его в жизни, но мне хорошо известны его человеческие качества, открытость души, милосердие».

Читательские письма убедили: есть смысл еще раз вернуться к этой теме. Продолжить разговор мы попросили писателя и журналиста Аллаяра Чуриева, давно и успешно воссоздающего по крупицам с помощью архивных данных и воспоминаний очевидцев биографии многих известных деятелей Советского Туркменистана.

У меня уже давно созрело желание рассказать о Балыше Овезове, сошедшем с политической арены почти четверть века назад. Его за эти годы почти забыли, разве что имя изредка промелькнет на газетных и журнальных страницах. Если бы не перестройка –

возможно, я так и не смог бы написать о нем. А если бы и написал, то обнародовать написанное было бы не легче, чем добыть мумие в горах...

В работе я использовал архивные материалы, пользуясь случаем, хотел бы выразить искреннюю благодарность сотрудникам партархива ЦК КПТ за оказанную помощь. Но основой публикации послужили воспоминания очевидцев, друзей, близких.

***

Балыш Овезов родился в 1915 году в селе Бедиркент Тахтинского района. Осиротев, попал в детдом в девятилетнем возрасте. Окончив Ташаузский педтехникум, вскоре оказался на комсомольской работе – в райкоме. Ташаузском окружкоме, затем – в ЦК ЛКСМТ. С сентября 1940 г. – заместитель народного комиссара просвещения ТССР. На этой должности он и встретил начало войны. Затем учеба в Москве, партийная работа.

Удивительная судьба – то взлеты, то падения... 1951 год. Тридцатишестилетний Балыш Овезов назначается председателем Совета Министров ТССР. Я сделал выписку из «Характеристики на председателя Совмина ТССР. Тов. Овезова в 1951 году секретарем Марыйского обкома партии колхозы области успешно справились с севом и обработкой хлопчатника, в результате чего государственный план хлопкозаготовок был перевыполнен. За успехи в развитии хозяйства и культуры республики награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и двумя орденами «Знак Почета».

Но проходит со всем немного времени – и 30 декабря 1957 года на Бюро ЦК КПТ Овезова освобождают... Позднее, уже в 1958 года он возглавил Ашхабадский облисполком. Правда, на этом посту пробыл меньше года: в январе 1959 вновь стал председателем Совета Министров ТССР.

Батыр Овезов:

– Когда отца первый раз сняли поста председателя Совмина, он почти четыре месяца был без работы. Поэтому мы вынуждены были продать в Москве мамину каракулеву шубу. Детей много – шесть, а денег нет... Приехав в Москву, где я учился, отец сказал:

«Продай вот это». И я отнес шубу в комиссионный магазин.

А потом он вновь стал председателем Совмина. До этого домой к нам мало кто заходил. Но как только отец вернулся на прежнюю должность, дом вновь заполнился людьми. Маму это очень рассердило. Она даже сказала, что никого на порог не пустит, но я помню, как отец ответил ей тогда: «Ничего. Говорят, тех, кто бьет тебя камнем, надо бить хлебом».

Через год с лишним – новый взлет. В мае 1960-го скончался первый секретарь ЦК КПТ Джумадурды Караев. На заседании Бюро ЦК КПТ было решено выдвинуть на этот пост Б. Овезова. На пленуме ЦК, состоявшемся двумя днями позднее, многие из выступавших резко критиковали деятельность бывших руководителей республики, высказали свои пожелания не повторять их ошибок. Здесь я счел необходимым привести отрывок из выступления одного из участников пленума – тов. Атаева. Вот что он говорил:

«Товарищ Караев, будучи первым секретарем, недостаточное внимание уделял вопросам культуры, идеологии. В определенной степени это объясняется недостаточностью его политической подготовки. Некоторые известные руководящие работники, руководствуясь принципами землячества, дружбы, личной преданности сумели в последнее время привлечь к партийной, советской работе «своих» людей. Порой того или иного работника оценивают не по его способностям, а по мнению приближенных к первому секретарю, по сплетням. И сегодня мы не имеем права молчать об этом...»

Для чего я привел эту цитату? Да для того, чтобы доказать, что Балыш Овезов был совсем иным – человеком внимательным, не признающим кумовства и землячества, бескорыстным. Утверждаю все это не голословно – подтверждением служат рассказы очевидцев.

Ходжабай Атабердыев, журналист:

– Балыш Овезов скончался 13 октября семьдесят пятого года. А накануне, часов в девять вечера он позвонил мне: «Сегодня вернулся из Теджена, ездил проведать дочурку Джахан. Она там собирает хлопок, все хорошо». Потом, радостно воскликнул:

«Здорово, что мы выиграли!» (хотя в общем-то не был большим любителем футбола). «Если завтра твой младший брат аспирант получит пятерку – сообщи, придется поздравлять», – пошутил он на прощание.

А назавтра, где-то в половине десятого утра приехали за мной на службу. «Яшули скончался», – сказали. Я был словно громом поражен: только вечером говорил с ним по телефону! Он жил в доме №30 по улице Правды. В тот день, узнав о его кончине, пришли к дому тысячи людей. Назавтра гроб был установлен в клубе Управления геологии. С Балышом Овезовым попрощалось 55 тыс. человек. Когда процессия тронулась, решено было перекрыть улицы. Когда первая машина доехала на кладбища, последняя только еще отъехала только от Управления геологии.

Когда отмечали семь дней, какой-то старый учитель из Геок-Тепе привез большого барана. Никто из нас этого человека не знал. «Балыш Овезов сделал для меня большое, доброе дело, помог разобраться, когда меня решили, было исключить из партии...»

И еще учитель добавил: «Когда Балыша Овезова сняли с должности председателя Совета Министров ТССР, в Геок-Тепинском районе около десяти тысяч человек подписали письмо, в котором требовали его восстановления на прежней должности. И эти люди, подписав письмо, не ошиблись».

Яшули очень любил свою работу. С работы домой всегда ходил пешком. Если куда-то ездил, милиция никогда не сопровождало его. «Почему я должен бояться народа, почему народ должен причинить мне зло? Я ведь стараюсь людям делать людям добро», – говорил он.

В Мары пришел канал. Несколько журналистов отправили туда для подготовки материалов. Я чуть раньше прибыл в Мары с проверкой жалобы, поступившей в «Совет Туркменистаны». Вслед за мной – писать о канале – туда приехал Нуры Оразов. У первого секретаря райкома Алтымухамедова попросили машину. Он ответил: все машины будут отданы тем, кто поедет с Овезовым, а вы сами добирайтесь, как хотите...

Подошел Балыш Овезов. Нуры говорит: «Пошли, Ходжабай может он нас узнает». А я стою в сторонке. Нуры подошел к нему один. «Вы приехали писать о канале?» – «Да, только нам транспорта не

дают». «Вы сядете на мою машину», – сказал Балыш Овезов. Видит, я стою в сторонке. Он посмотрел на Алтымухамедова и говорит: «Ба, да тут и мои родственники есть». Алтымухамедов растерялся, говорит: «А что же он не сказал?» «Он скромный, никогда не скажет такого», – последовал ответ.

В Ашхабад Балыш Овезов отправил нас своим самолетом, чтобы материал не запоздал. Очень он был заботливым человеком. И очень он хорошо к журналистам. В газете первым делом читал очерки. Потом – фельетоны. С огромным удовольствием читал фельетоны Довлета Аллаберенова, Нурмурада Эсенмурадова, «Токмак» прочитывал от корки до корки.

Батыр Овезов:

– Отец хорошо играл на дутаре. Иногда садился и за пианино, играл без нот. Мы и сейчас бережно храним его дутар.

Ходжабай Атабердыев:

– Он был влюблен в песни Махтумкули Карлы. Хоть в раз день, да слушал их. Если по радио пел его любимый бахши, наш яшули уже ни на что другое не отвлекался, даже не поднимал телефонную трубку. Однажды было так (я это от него самого слышал): по радио пел Махтумкули Карлы, и в это время зазвонил телефон. Он не поднял трубку. Через некоторое время звонок повторился... Когда телефон зазвонил в третий раз, он поднял трубку и коротко бросил: «Я занят». Тут входит растерянный помощник: «Это Брежнев звонит». Когда при случае Балыш Овезов рассказал об этом Брежневу, тот весело рассмеялся: «Раз так, ничего страшного».

С особой любовью относился Балыш Овезов к видным ученым – Баймухамеду Каррыеву и Мяти Косаеву. Баймухамеду-ага он лично поручил перевести на русский язык сборник туркменских пословиц.

Балыш Овезов никогда не оценивал людей по месту их происхождения. В период его руководства в правительстве не было ни одного министра из Ташаузской области, откуда он сам был родом. «Нет ни особо умных, ни особо глупых племен», – любил повторять он.

А каким остроумным человеком он был! Хоть месяц находишься с ним рядом, никогда один рассказ не повторит дважды. Память у него была замечательная.

Батыр Овезов:

– На сорокалетие Туркменистана со всех республик шли поздравления. Первый секретарь ЦК Компартии Армении тоже прислал на имя отца поздравления... на армянском языке. К отца было два помощника – Вартан Давидович Арутюнов и Исаак Матвеевич Гринберг. Отец позвал к себе Арутюнова и велел перевести телеграмму, а в Армению отправить ответ на туркменском языке.

Через несколько дней отец вернулся с работы в хорошем настроении, смеется. «Что случилось?» – спрашиваю. «Из Армении позвонил первый, говорит: 1:0 в твою пользу. Ты, говорит, там нашел армянина, чтобы сделать перевод, а мы тут ни одного туркмена не смогли найти, чтобы перевести твой ответ».

Отец доверил молодым ответственные посты. Однажды я стал свидетелем его разговора с Москвой. Отец порекомендовал кого-то первым секретарем райкома. А ему возразили: мол, слишком молод. Я до сих пор помню, как на русском языке он сказал: «Этот не недостаток со временем исправит. А в остальном он полностью подходит». Я в это время стоял рядом и увидел лежавшее перед отцом на столе личное дело Клычдурды Сахатмурадова. Как выяснилось, речь шла о нем.

Сам я в 1956 году с серебряной медалью окончил русскую среднюю школу № 6 в Ашхабаде. Отец спросил «Где ты собираешься учиться?» Я ответил, что поеду в Москву учиться на дипломата. Отец сказал «Республике не надо много дипломатов. Нужны инженеры». Тогда я подумал и сказал, что буду поступать в Бауманское училище. «Согласен. Но там надо хорошо учиться, чтобы получать стипендию». Ну а, я ему: «Ай, при чем тут стипендия? Вы ведь тоже будете подкидывать немного?..» «Коль у тебя такие мысли, сынок, можешь и не ездить. Если сам на себя надеешься – тогда поезжай».

А в Москве прожить на стипендию трудно. Вместе со своими товарищами по учебе после занятий ходили на железную дорогу

разгружать вагоны: когда – с капустой, а когда – и с цементом. Зато сам себя обеспечивал. К тому же я увлекался спортом, имел звание мастера спорта по фехтованию, позднее получил звание судьи всесоюзной категории. И за это тоже платили.

Однажды из Ташауза приехал в Москву один из председателей колхоза. Пришел ко мне в общежитие проведать. Прощаясь, он сказал мне: «Ты сейчас студент, тебе трудно. Вот тебе на мелкие расходы», – и дал мне тогдашними деньгами пятьсот рублей. Я посчитал неудобным отказываться. В тот день мы с моими товарищами студентами отлично поужинали – истратили сразу сто рублей.

Вскоре в Москву по делам прилетел отец. Обычно мне звонили из постпредства, сообщали, что он приехал. Я пошел туда. «К тебе заходил такой-то? Он предлагал тебе деньги?» – спрашивает отец. Я кивнул головой. «А ну, дай сюда». Я отдал. Говорю: «Сто рублей я уже истратил». «Хорошо, я сам отдам». И строго-настрого наказал мне, что бы я больше не поступал так. Не ругал. Только и сказал: «Если не в состоянии прожить здесь, уж лучше возвращайся домой».

Окончив учебу, я в шестидесятые годы работал в Москве. Отец, приезжая, обязательно виделся со мной. Однажды он приехал не в очень хорошем настроении. «Что случилось?» – «Был в ЦК КПСС. Немного поругали». И рассказал, что был у Хрущева. «В Туркменистане добывают газ, а мы не можем обеспечить им свое население. Мы свой газ по трубам метрового диаметра отправляем за рубеж, так нельзя ли нам хоть по тридцатисантиметровым трубам подать газ в наши города и поселки?» – поставил он вопрос. А Хрущев накричал на него: «Ты почему национализм проявляешь?» так и остался тогда этот вопрос нерешенным.

Ходжабай Атабердыев:

– Вспоминаю один случай из жизни редакции «Совет Туркменистаны». Дежурит заведующий отделом газеты, Гундогды Балакаев, подписывает газету. И вдруг... сквозь портрет Карла Маркса проглядывает изображение черного креста! Правда, это вовремя заметили, и отпечатанный тираж газеты не был

отправлен. Что делать? В те времена за такое очень строго наказывали. Я утром, с половины девятого уже стоял перед зданием ЦК, дожидаясь Балыша Овезова. Поздоровался с ним, попросил задержаться и рассказал о случившемся. «Это честный, чистый парень».

После обеда Гундогды вызвали в Центральный Комитет. Оттуда он вернулся радостный. Благодарит. Словом, он почти пять дней после этого просвистел. Такая у него была привычка: постоянно насвистывать, если чему-то очень сильно рад, если избежал беды.

Айтбай Худайберенов, председатель Совета Народных Комиссаров ТССР с 1937 по 1946 гг.

С рано осиротевшим Балышом мы вместе учились. Был он очень доверчив. Эта черта характера так и сохранилась у него с юношеских лет. И не раз его подводила: подхалимы умело пользовались этим. Я знал одного такого человека. Сблизившись с Балышом, он, приезжая в Ашхабад, он останавливался у него дома. Пока Балыш был на работе, он вызывал его машину и использовал по своему разумению. «Балыш мне дал одно поручение, надо съездит», – говорил он, и уже никто не осмеливался перепроверить. Много дел натворил таким образом подхалим и хитрец. И еще, Балыш был человеком прямолинейным, порой резким. В Москве он рассорился с Аннамухамедом Клычевым. Клычев пожаловался в Центральный Комитет. Вскоре последовало смещение с поста.

Батыр Овезов:

– Сказали, в три дня освободить квартиру! Назавтра – уже вывозят мебель. Дома у нас была большая библиотека. Когда мы переезжали на Чарджоускую (ныне ул. Межлаука), из-за тесноты пришлось много книг сдать в букинистический магазин. Комнаты маленькие, тесные, на четвертом этаже.

Мамеддурды Аннакурдов:

– С Балышом мы в юности вместе учились в пединституте. Он и впоследствии всегда обращался ко мне уважительно, называл «агам». Когда его сняли, жена сказала, что у них так много

книг, что некуда складывать. Я сказал: «привезите, пусть у нас дома хранятся». И часть его книг – целая библиотека – долго находилась у меня дома.

Батыр Овезов:

– Отцу предоставили место заместителя начальника по кадрам в Управлении геолога. К тому времени была готова его диссертация по Каракумскому каналу, уже был назначен день его защиты, ее в Москве, в газете «Вечерняя Москва» было даже опубликовано объявление. Я звоню из Москвы, спрашиваю, когда приедет. «Через пару дней буду», – говорит отец. Ждем – не едет. Уже и день защиты прошел. Потом оказалось, что его командировочное удостоверение порвали и выбросили. Спросили у человека, который это сделал, почему он так поступил. «Таков был приказ сверху».

Вдоволь хлебнула потом несправедливостей вся наша семья. Мой младший брат Какаджан в семидесятом году окончил Московский энергетический институт. Вроде бы в Ашхабаде всегда нуждаются в таких специалистах – а он полгода ходил без работы. Сестра Мира защитила кандидатскую диссертацию в Москве, но в Ашхабаде поначалу отказались взять ее на работу даже простым детским врачом. С полгода она маялась, хотя до аспирантуры заведовала в детской больнице отделением. Причем, среди туркменских женщин она была первым детским невропатологом с научной степенью. Все это, к счастью, позади. Сейчас сестра – главный детский невропатолог республики, брат Агаджан – геолог, Чары работает в правоохранительных органах. Самая младшая из нас, Джахан, доцент – преподает в университете. Сам я с недавних пор стал ректором политехнического института.

От автора: *В поисках материалов о судьбе нашего героя мне со многими довелось встречаться и беседовать. Одни охотно рассказывали о человечности Балыша Овезова, его отношении к работе. А вот другие... Некоторые из бывших сослуживцев Б. Овезова предпочли отмолчаться. «И тебе лучше не заниматься этим, – советовали они. – Еще живы люди, которым это не понравится. Смотри, как бы они потом и тебя не взяли на заметку».*

И все же я решил не отступать от своего намерения. Столько времени прошло, а мы все еще таим зло, помним обиды... Что ж, руководитель любого ранга – тоже человек. И ему тоже свойственно ошибаться, а потом искренно сожалеть о допущенных ошибках, раскаиваться. Да и кто из нас огражден от ошибок, больших и малых?! Но как не выкинуть слова из песни, так не вычеркнуть и страниц из истории, думалось мне.

Так появилась эта публикация.

А.Чуриев.

«Туркменская искра» 11.03.1991 год. Taryhy makalalar